

Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности.

Наставление (*κεφάλαια παρανευτικά*) диакона Агапита, представленные им имп. Юстиниану и известные также под именем *σχέδη βασιλική*, принадлежат к числу тех произведений византийской политической литературы, которые получили за пределами Византии наибольшее распространение. Заключаящаяся в них популярная политическая мораль, изложенная, большею частью, поэтическим, образным языком, в коротеньких, легко усваиваемых главах, надолго обеспечила им широкий круг читателей. В библиотеках Э. Европы находится в настоящее время свыше 80 списков Агапита, главным образом, XV и XVI столетий.¹ С 1509 г., когда появилось первое печатное издание его в оригинале, поток изданий не прерывался до конца XVIII века. Всего за это время вышло 24 издания греческого текста. Независимо от этого Агапит издавался и в переводе: за тот же период было 27 изданий на латинском языке, 5 на немецком, 4 на французском, 2 на английском и по одному на испанском и итальянском языках.² При таком распространении произведение Агапита не осталось, конечно, без влияния на западную политическую литературу. В этом едва ли может быть сомнение, хотя исследований в этом направлении произведено не было.

Какова была судьба Агапита в древней Руси? Вопрос этот имеет значение, главным образом, для выяснения характера и объема византийского влияния на развитие в древней Руси государственных идей. В этом отношении у нас есть достаточно данных, чтобы утверждать, что произведение Агапита не только читали, но и пользовались им. Древнерусская письменность представляет, во 1-х, переводы Ага-

¹ Bellomo, *Agapeto Diacono e la sua Scheda Regia*. 1906, стр. 9.

² В книге Bellomo дается несколько другой подсчет переводов. См. стр. 8.

пита и, во 2-х, ссылки на него или, точнее говоря, приведение мыслей, заимствованных из его произведения, хотя и без упоминания источника. Остановимся на том и на другом.

Переводы. Их было два типа: полный и сокращенный. Выражение «полный» употребляется здесь не в буквальном, а в условном смысле: на самом деле в полном переводе всегда недостает нескольких глав, однако — не более пяти. Но это следует объяснять случайностью, а не намерением переводчика. Образец полного перевода мы имеем в Соф. ркп. XVI в. б. Спб. Дух. Акад. № 1320. Перевод имеем заглавие: «*Поучение благого царства, сеже и къ боляромъ и къ епископомъ и ипоуменомъ мно естъ*». Оно любопытно уже само по себе. В греч. рукописях произведение Агапита имеет неодинаковые надписания. Их можно насчитать до девяти разновидностей, но такого надписания, которое соответствовало бы целиком приведенному заглавию, указать нельзя. Первые три слова представляют перевод греч. ὑπόθεσις ἀγαθῆς βασιλείας, но для второй части заглавия греческия рукописи не дают никакой параллели. Приходится думать, что эту вторую часть сочинил либо переводчик, либо кто-нибудь из переписчиков. Каковы были при этом побуждения, догадаться довольно трудно, так как наставления Агапита не имеют решительно никакого отношения ни к боярам, ни еще более — к игуменам. Весьма возможно, что заглавие было составлено просто по образцу какого-нибудь другого.¹

Из 72 глав, находящихся в греческом тексте, переведено 70: пропущены гл. 31 и 52. Содержание этих глав довольно безразлично: 31-я говорит о беспристрастном отношении к друзьям и к врагам, а 52-я содержит в себе восхваление императора. Трудно предположить, чтобы они были сознательно пропущены при переводе. Главы имеют тот же порядок, как в подлиннике, но с двумя отступлениями: главы 65 и 66 поставлены одна на место другой и, затем, в трех случаях две рядом стоящие главы соединены при переводе в одну (8 + 9, 20 + 21, 32 + 33). Вследствие таких переделок, последняя глава в рукописи оказывается по счету 67-ю, хотя всего переведено 70 глав.

Образцом сокращенного перевода может служить Соф. ркп. XVII в. той же 6-ки № 1480. Здесь другое заглавие: «*Главы совет-*

¹ Тако: же заглавие в ркп. М. Син. Б. XV в.; Горский и Невоструев, Описание II, 2 № 202 (прежн. 489).

щательные сложенные Агапитомъ дѣякономъ царю Густиніану. Божественнейшему и благодѣивейшему царю нашему Имр!ю. С выше приведенным оно имеет лишь то формальное сходство, что только первая часть его представляет перевод с греческого, вторая же фраза есть явное добавление русского книжника. Обращение к лицу царя, при том без обозначения имени, как бы дает понять, что Главы Агапита должны были служить в качестве поучения в каких-нибудь определенных случаях (в роде поучения в чине венчания). Но никаких свидетельств о том, чтобы это действительно было так, у нас нет. Во всяком случае, оба заглавия показывают, что произведению Агапита придавалось не одно только историческое значение, и что им находили возможным пользоваться в условиях русской действительности.

Перевод заключает в себе 26 глав т. е. около $\frac{1}{3}$ подлинника. Номера глав не обозначены; главы следуют одна за другой в строку. Переведены следующие главы и в таком порядке: 1, 2, 21, 13, 8, 46, 47, 9, 15, 53, 44, 50, 48, 40, 41, 12, 32, 57, 58, 60, 23, 72, 3, 4, 14 и 71. В выборе глав и в их расположении трудно подметить какую-нибудь тенденцию. В перевод вошли главы, как политического, так и нравственного содержания. Невозможно объяснить, почему переводчик счел нужным так сильно изменить последование глав сравнительно с подлинником.

Обращаясь к самому переводу, следует, прежде всего, отметить, что перед нами два разных перевода. Второй не мог быть сокращением первого, а сделан самостоятельно. Различие между ними можно видеть хотя бы на примере 2-й главы:

Ркп. № 1320.

Яко и кѣрмчій бдит всегда, царя
многоочитый умъ съдрѣжа твердо
добраго закона правило и иссу-
шая крѣпко безаконіа потоки, да
корабль всемирныа жизни непо-
грязнет волнами неправды.

Ркп. № 1480.

Аки кормчій бдитъ безпрестави,
царевъ многоочитый умъ удержи-
вая опасне благозаконія кормило і
отгоняя крѣпче беззаконія по-
токи, да корабль всемирнаго гра-
жданства в волнах неправды не
покажется.

Ни в том, ни в другом переводе нельзя подметить никакого преднамеренного искажения текста или тенденции. Но замечается в переводе (том и другом одинаково) некоторая неточность и темнота, зависящая отчасти от стремления переводчика не отступать от букваль-

ного смысла и даже от этимологического значения отдельных слов, например: εὖνοια — доброумие (вм. расположение), εὐδόκιμος — благоискусный (вм. славный), ἀκριβολογούμενος — пытословія творя (вм. придираясь), и т. п. Некоторые мысли автора, вследствие этого, совсем пропали в переводе и не могли производить надлежащего впечатления. Так, в главе 16-й Агапит высказывает мысль, что слишком большое богатство — такое же зло, как и крайняя бедность, и советует Юстиниану отнять излишки у одних и отдать другим и, вместо неравенства, установить равенство (ἀφαιρέσει καὶ προσθήσει τοῦτους θεραπειτέον, καὶ πρὸς ἰσότητα τὴν ἀνισότητα μετένεχτέον). Мысль — чрезвычайно радикальная, которая тем более любопытна, что громадное большинство остальных глав представляет довольно безобидное морализирование. В переводе же она затемнена и обесцвечена почти до неузнаваемости:... «уятиемъ и приложеніемъ сихъ врачевати, и на тчьностьво недостатокъ приложити» (ркп. № 1320).

Но, вообще говоря, перевод можно считать удовлетворительным, и следует признать, что он довольно хорошо знакомил русского читателя с произведением Агапита. Известно, что не всегда было так, и что памятники византийской литературы, в которых можно было находить политические идеи, являлись иногда в славянском переводе значительно искаженными. Так было напр. с предисловием к 6 новелле Юстиниана, где дается формула взаимоотношений светской и церковной власти.¹ К сожалению, от Агапита нельзя было заимствоваться никакими особенно яркими идеями: у него нет почти ничего оригинального. Большая часть его наставлений составлена под очевидным влиянием Исократа, Платона, Аристотеля и творений отцов церкви. В этом отношении знакомство с ним было полезно, так как через него можно было познакомиться и с античной, и с христианской политической философией. Но чего-нибудь специально византийского в области политических понятий переводы Агапита могли дать, сравнительно, немного.

Следует еще упомянуть, что, кроме полного и сокращенного переводов, интересующиеся могли познакомиться с Агапитом еще из сборника, известного под именем «Пчелы». А именно, в отделе, озаглавленном «О власти и о княжении» помещен в «Пчеле» отрывок из произведений Агапита, начинающийся словами: «плотским соуще-

¹ См. В. Вальденберг, Очерки русской политической литературы от в. к. Владимира до конца XVII в., 1916 стр. 143—144.

ствомъ равенъ. есть всѣмъ человѣкомъ» и т. д. Это — не что иное, как 21 глава Агапита.¹

Займствованія. Правильное и окончательное суждение о характере влияния наставлений Агапита на древнерусскую письменность можно было бы составить только в том случае, если бы у нас был полный список займствований и цитат из него. В настоящее время такой список едва ли мог бы быть составлен. Взамен того может быть предложен список, сравнительно небольшой, составленный на основании изучения, главным образом, тех памятников письменности, которые являются, одновременно, источниками для истории русских политических учений. Этот список не будет притязать на полноту, но для вопроса о влиянии Агапита именно на политические понятия в древней Руси он может дать достаточный материал.

Первый по времени случай займствования из Агапита мы имеем, кажется, в Лаврентьевской летописи под 1175 г., где летописец, говоря об убиении Андрея Боголюбского, высказывает несколько афоризмов: «Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому челоуѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща (бо) великій Златоустецъ». ² Летопись усваивает эту мысль И. Златоусту, но она и по содержанию и по форме вполне отвечает 21 гл. Агапита: τῆ μὲν οὐσίᾳ τοῦ σώματος ἵσος παντί ἀνθρώπῳ ὁ βασιλεὺς, τῆ ἐξουσίᾳ δὲ τοῦ ἀξιώματος... и т. д. А чтобы Агапит в данном случае следовал за Златоустом, этого не говорит ни один из комментаторов. ³ Та же мысль встречается в Провсвителе Иосифа Волоцкого, слово 16-ое, но в несколько иной редакции: «царь оубо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человекомъ, властію же подобенъ есть вышнему (греч. τῷ ἐπὶ πάντων) Богу». ⁴

В послании Максима Грека к Ивану Грозному (соч. т. II стр. 352) встречается такой совет: «полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай». В этих словах можно узнать начало 22 гл. Агапита: ἀποδέχου τοὺς τὰ χρηστὰ συμβουλευεῖν ἐθέλοντας. В форме, правда, нет полного совпадения, но это может объясняться тем, что Максим не списывал с подлинника, а приводил на память. И вообще, мы имеем здесь не цитату, а скорее — припоминание.

¹ В. Семенов, Древняя русская «Пчела». Спб, 1893 стр. 111.

² Изд. Арх. Комм., 1872 г. стр. 351. Ср. В. Малинин, Старец Елеазарова мон. Филофей, 1901 прим. 2039.

³ Напр. Agapeti diaconi Schedam Regiam praecceptorum..., recensuit, notis J. et Jac. Braunum et suis... iastruxit Jo. Aug. Groebelius. Lips., 1733 pag. 65—67.

⁴ Каз. изд. (церк. печ.) 1857 г. стр. 602.

Далее, обращают на себя внимание следующие строки в завещании Ивана Грозного (Доп. А. И. I стр. 377): «подобаетъ убо царю три сѣ вещи имѣти, и яко Богу не гнѣватися, яко смертну не возноситися, и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ». Первые два совета взяты буквально из 21 гл. Агапита: *χρῆ τοίνυν αὐτὸν καὶ ὡς θεὸν μὴ ὀργίζεσθαι, καὶ ὡς θνητὸν μὴ ἐπαιρεῖσθαι*. Что касается 3-го совета, то едва ли может быть сомнение, что он взят из 64 главы: *συγγίνωσκε καὶ αὐτὸς τοῖς εἰς σέ πλημμελοῦσιν*.

У современника Ивана Грозного — архиеп. Новгородского Феодосия, в одном из его посланий к царю находится такая фраза: «тебѣ, государю, по подобію небесныя власти далъ ти есть небесный царь скипетръ земного царствія силы, да человекъ научиши правду хранити (а) и еже на ны бѣсовское отженеши желаніе, якожь кормчіе бдитъ всегда, тако и царскій многоочитый умъ содержитъ твердо добраго закона правило, изсушая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнеть волнами смущенія (б)».¹ Первая часть этого обращения (до лит. а) представляет выписку из 1-й главы Агапита: *καθ' ὁμοίωσιν τῆς ἐπουρανίου βασιλείας ἔδωκέ σοι τὸ σκῆπτρον τῆς ἐπιγείου δυναστείας, ἵνα τοὺς ἀνθρώπους διδάξῃς τὴν τοῦ δικαίου φυλακὴν*, в остальной же части узнаем 2-ю главу. Если сравнить эту часть с приведенным выше полным текстом русского перевода 2-й главы, не трудно убедиться, что Феодосий следует здесь за переводом ркп. № 1320, но полного совпадения между ними нет.

Этим исчерпываются все случаи, где влияние Агапита можно считать несомненным. Но есть еще такие, относительно которых трудно было бы утверждать зависимость авторов от Агапита, но можно ее, съ некоторой вероятностью, предполагать. Сюда относится следующее место в Главах поучительных Максима Грека: «паря истинна... оного мни..., который ко еже правдою и благозаконіемъ устроить житейская подручниковъ прилѣжитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ и похотемъ одолѣти тщится».² Это напоминает, отчасти, 18-ю главу Агапита, где развивается понятие *βασιλεὺς κατ' ἀλήθειαν*, и указываются два его признака: 1) *κρατεῖν τῶν ἡδονῶν δυνάμενος* и 2) *τὴν πορφύραν τῆς δικαιοσύνης ἀμφιασάμενος*, отчасти — гл. 63, где Юстиниану внушается обязанность *πᾶσιν παρέχειν τὰς πρὸς τὸ ζῆν αἰτήσεις*. Ср. также гл. 68: *τότε δὲ μάλιστα κληθήσεται κύριος*,

¹ Доп. А. И. I № 42 стр. 238—9.

² Соч. II стр. 157.

ὅταν αὐτὸς ἑαυτοῦ δεσπόζη. С таким же основанием можно сближать с 1-й гл. Агапита слова в послании патр. Никона к Алексею Михайловичу: «Аще и царь еси велій, отъ Бога поставленный, но правды ради».¹

Таков, сравнительно, небольшой материал по вопросу о следах влияния Агапита на произведения русской письменности, которые можно одновременно рассматривать и как памятники русской политической мысли. Дальнейшие наблюдения и разыскания едва ли в состоянии будут увеличить его особенно значительно. Материал этот показывает, что русская письменность довольно слабо воспользовалась наставлениями Агапита в развитии своих политических идей. Оказывается ли западная политическая литература в этом отношении впереди русской, т. е. было ли влияние Агапита на Западе сильнее — этот вопрос приходится оставить открытым за отсутствием соответственных данных. Русская письменность взяла от Агапита, в сущности, только три идеи: соблюдение законности (гл. 2, 18), мысль, что государь должен внимательно относиться к советам (гл. 22), и мысль об обязательности для него нравственной сдержки (гл. 21). Эти идеи — особенно, первые две — представляются довольно ценными и сами по себе, и по связи с стоявшими на очереди политическими интересами: вспомним хотя бы, что как-раз в ту пору, когда писал Максим Грек, жизнь выдвигала вопрос о «праве совета». Но все же надо признать, что русская письменность взяла от Агапита очень мало по сравнению с тем, что она могла бы взять. Как-раз все, наиболее выпуклое, наиболее красочное осталось в стороне: гл. 8 (доступность царя для подданных), 16 (уничтожение имущественного неравенства), 17 (царь-философ), 41 (равенство подданных перед судом), 35 (ἐκόντων ἀνάσσειν), 1,27 (обязательность для самой власти изданных ею законов) и др. Все эти положения, имеющие почти сплошь античное происхождение и поступившие, затем, в оборот западно-европейской политической мысли, прошли мимо русской письменности, ни в малейшей степени не отразившись в ней.

Любопытно отметить еще одну подробность. Как было указано, произведение Агапита не отличается оригинальностью: большая часть его наставлений имеет корни в предшествующей литературе и слабо отражает условия места и времени. Но есть у него все-таки отдель-

¹ Дело патр. Никона, изд. Арх. Комм., 1897 стр. 10.

ные главы, которые носят печать византизма. К ним, может быть, следует отнести 71 гл., где Агапит советует Юстиниану не превозноситься и не забывать, что он — земля и в землю отыдет (*ὑπάρχων ἐκ τῆς γῆς, ἀπὸ χόου ἐπὶ θρόνον ἀναβαίνων καὶ εἰς αὐτόν... καταβαίνων*). Мысль эта повторяется в завещании имп. Василия Македонянина сыну Льву (гл. 14), и ее нужно сопоставить с некоторыми обрядами, имевшими место в Византии, а именно: в торжественных церемониях и выходах император держал в правой руке крест, а в левой — небольшой мешечек — *ἀκακία*, в котором была насыпана земля, и который должен был ему напоминать о бренности его власти.¹ Такой же смысл имело и то, что во время венчания императору, на которого только что был возложен венец, подносили сосуд, наполненный костями.² В этом переходе от величия к унижению можно усматривать нечто характерное для византийских нравов и византийских воззрений. Если бы русская письменность восприняла от Агапита эту идею или ей подобную, можно было бы говорить о византийском влиянии в точном смысле слова. Но этого не случилось. Поэтому для русской политической мысли Агапит имеет значение, не как проводник специально византийских идей, а почти исключительно, как посредник в передаче идей античной философии.

В. Вальденберг.

¹ Codinus, De officiis cap. VI, Bonn., pag. 51.

² De cerimoniis, коммент. Рейске, Bonn. II, p. 663.